

БОЛЬШОЙ ПРАЗДНИК

Эд. СМИЛЬГИС,
народный артист СССР

Спектакли Шанхайского театра пекинской музыкальной драмы для нас, рижан, — большой праздник. Китайское искусство, веками скрытое от наших глаз, теперь пришло к нам!

Китайский театр покоряет нас своим блестящим мастерством, поднимает наши сердца чудесной радостью, доставляет глубокое эстетическое наслаждение. Смотришь непривычные спектакли китайского театра, и невольно задаешь себе вопрос: в чем заключена покоряющая сила этого прекрасного искусства? В совершенной актерской технике? В акробатическом и жонглерском искусстве? В тонкости психологического рисунка и в безупречной выразительности мимических сцен? Или в пластике и ритмичности чарующей прелести ярких костюмов?

Да, все это, несомненно, пленяет, очаровывает нас, создает то ощущение праздничности, необыденности, которыми пропитаны все спектакли китайского театра. Но главное все-таки не это.

У спортсменов есть распространенное выражение: «находиться в форме». Певцы говорят: «быть в голосе». Оба эти выражения относятся главным образом к физическому состоянию человека. Нам, работникам театрального искусства, хорошо знакомо то, не только физическое, но и душевное состояние, когда мы чувствуем в себе особую собранность, внутреннюю концентрацию, как бы окрыляющую нас готовность включиться в исполняемый образ, сразу безошибочно найти нужный тон, нужный жест... Мне бы хотелось назвать это состояние радостью труда. И думается, что «секрет» мастерства китайских артистов заключается в той глубокой концентрации, которая через рампу передается в зрительный зал. Здесь нет места муштре, как нет и ни малейшей расхлябанности, разболтанности. Актер весь подчинен какому-то внутреннему равновесию, озарен большой радостью творческого труда. Мускулы и голос безупречно послушны, все движения легки и точны. Мы смотрим на лицо актера и видим, что перед его взором открываются бесконечные дали, что бы он ни делал на сцене — вся его работа озарена как бы внутренней улыбкой, необычайным творческим подъемом. Для актера это неосценимое качество, это — счастье! И благословен тот, кто обладает им, кто умеет в себе развить это качество. Китайский театр в совершенстве владеет этим искусством.

Пекинская классическая музыкальная драма — это сложный синтетический род театрального искусства, в котором объединены музыка, пение, сценическое действие, драматический диалог, танец, пантомима, акробатика и жонглирование, — и все это гармонично слито в единое целое, подчинено единому ритму и стилю, доведено до виртуозного совершенства.

Китайский театральный коллектив, гостящий в Риге, воплощает тысячелетний опыт развития театрального искусства древнего народа, но сам он еще молод. Ему всего шестнадцать лет — чудесный возраст пылкой юности!

Руководит этим коллективом выдающийся китайский артист и режиссер Чжоу Синь-фан. Он всю свою жизнь с детства посвятил театральному искусству — искусству пекинской музыкальной драмы. Им

создана театральная школа, занявшая одно из ведущих мест в пекинской музыкальной драме. Он воспитал немало молодых артистов, передавал им свои знания, свои принципы работы. В его группе в качестве актеров работают не только мужчины, как это было прежде, в соответствии с традициями пекинской музыкальной драмы, где женские роли исполнялись мужчинами. Чжоу Синь-фан пошел новаторским путем и привлек в свою труппу женщин-актрис.

Для школы Чжоу Синь-фана характерны правдивость, богатство чувств, совершенная актерская техника — поистине те «три кита», на которых должно базироваться всякое театральное искусство, не говоря уже об утонченном изяществе и бездне вкуса, которыми пропитан каждый спектакль этого театра. В игре самого Чжоу Синь-фана, которого рижане имели возможность видеть в пьесе «Месть рыбака», пленяет великая простота, непринужденность и легкость, сочетающаяся с глубокой психологической выразительностью. Эти качества артист сумел привить всему своему коллективу.

О ряде спектаклей китайского театра уже писалось на страницах газет. Мне хотелось бы сказать несколько слов о двух пьесах, показанных позднее, а именно: о коротенькой сценке «Пастушок и девочка» и о батальной народной легенде «У стен Сычжоу».

«Пастушок и девочка» — это лирическая, удивительно прелестная сценка, пронизанная утонченным восприятием природы и чувством, что человек является частью природы, гармонично слит с ней. Спектакль переносит зрителей на солнечный цветущий луг, где буквально слышно, как звенит летний воздух, насыщенный жужжанием пчел и пением птиц, где видно, как распускаются цветы... Артист Сунь Чжэн-ян (пастушок) и Чжао Го-чжэн (девочка) сумели воссоздать чарующую атмосферу этой несуществующей на сцене природы, рассказать нам о светлой и радостной любви к жизни, о преклонении перед ее красотой. На протяжении всей этой незамысловатой по своему содержанию сценки нас не покидает восхищение перед свежей красотой юности, очаровывает неизъяснимая прелесть встречи двух юных существ.

В основу пьесы «У стен Сычжоу» положен мифический сюжет. Нам была показана сцена массового акробатического сражения, где прекрасная хранительница вод, богиня Шуйму, одерживает победу в бою с воинами Владыки неба. Талантливая артистка Чжан Мэй-цзюань покорила нас непревзойденной виртуозностью владения так называемым «искусством летающего оружия». Передавая сцену напряженного боя, она еле уловимыми движениями ног, коленки, ступни и рук заставляла пик и копыта летать по сцене. Китайские артисты, изображавшие небесных вонтелей и воинов вод, продевывали перед глазами зрителей невероятные акробатические номера, создавая впечатление ожесточенной схватки.

Спектакли Шанхайского театра пекинской музыкальной драмы доставляют рижским зрителям огромное художественное наслаждение, а для работников латышских театров, кроме того, они являются прекрасными уроками сценического искусства.

Советская молодежь

— 9 ДЕК 1956